

Сжавшись в углу сада, Егёль тяжело вздохнул.

Прошла ровно неделя с тех пор, как Чэ Халянь обронил ту фразу — словно гром среди ясного неба.

За это время тело Егёля восстановилось с возмутительной лёгкостью.

Небеса действительно не знают пощады.

Больше всего на свете ему хотелось бы снова приболеть — но это было невозможно.

Эспер с гидом, постоянно находящимся рядом, в принципе не мог болеть.

Конечно, он мог бы временно истощить себя, если бы безрассудно использовал силу, но настоящая проблема заключалась в другом — он был эспером S-класса.

Если бы он ослаб настолько, чтобы это стало заметно, в небе, наверное, тут же сверкнула бы молния — среди ясного дня.

А здесь ведь Центральные Равнины, мир, где человеческая жизнь ценится меньше, чем жизнь мухи.

Сейчас Егёль не обладал боевыми искусствами, и хоть эсперы физически превосходили обычных людей, исход боя с мастером высокого уровня был бы непредсказуем.

Ради собственной безопасности он должен был скрывать свою силу.

Но, помимо этого, он не мог выбросить из головы слова, сказанные Халянем семь дней назад:

— Я не могу вернуться. Но ты — можешь.

В выражении его лица тогда было что-то отчаянно искреннее.

Егёль хотел возразить: «Зачем мне возвращаться в Куньлунь, если тебя там нет?» — но слова застряли в горле.

Даже если разум протестовал, тот взгляд — полон боли и заботы — не позволял перечить.

Если бы он отправил его прочь просто потому, что тот мешает, — это было бы одно.

Но Халянь искренне верил, что поступает во благо.

Вот бы сейчас открылись врата...

Егёль вспомнил старшего эспера из Центра, который добровольно записывался на все миссии во врата — лишь бы снова увидеть своего гида.

Тот человек молил небеса послать ему такой разлом, который выжмет его, как мокрую тряпку, — только бы не погибли люди.

Тогда Егёль посмеялся над ним.

Теперь же понимал слишком хорошо.

И ведь это была не временная разлука.

С учётом местных способов передвижения и связи — она могла стать постоянной.

Сколько я протяну без гида?

Он выдрал пригоршню травы и устало выдохнул.

Полгода, может быть?

Если повезёт — и если не использовать силы.

Иначе состояние быстро ухудшится: энергия начнёт вращаться внутри тела, пока не сожжёт его изнутри.

Тело эспера — как аккумулятор, который разряжается даже без применения.

Поэтому всем эсперам советовали держать способности запечатанными, пока не найдут своего гида.

Без него смерть — лишь вопрос времени.

— Это ведь не сорняк, знаешь ли. — Егёль поднял голову. Перед ним стоял мужчина.

Не Самран — голос был мужской, сухой.

— Кто вы? — Он быстро спрятал испачканные руки в рукава.

Попался на том, как вымещал злость на траве — значит, оставалось только изображать стыд.

— Я Вэй Цзиньён, слуга господина торгового дома, — спокойно представился мужчина.

Черты лица — резкие, взгляд суровый.

Скорее учёный, чем воин.

— Я ожидал увидеть своего старшего брата, — небрежно сказал Егёль.

Выражение лица собеседника не изменилось ни на йоту.

— Господин занят делами, — отрезал тот.

— Ах, ну... что ж, бывает, — протянул Егёль.

— Господин уже несколько ночей не спит, чтобы оставаться рядом со своим гостем, — в голосе не было ни теплоты, ни сочувствия.

Либо он говорил чистую правду, либо просто не переносил Егёля.

А может — и то, и другое.

— Да, мой старший брат всегда был человеком долга, — мирно заметил Егёль.

— Несомненно.

— Если бы его подчинённые были чуть расторопнее, ему не пришлось бы так надрываться, —

драматично вздохнул Егёль, явно так, чтобы его собеседник услышал.

Глаза Цзиньёна едва заметно дёрнулись — взгляд стал острым, как лезвие.

Что ты так смотришь? — мысленно усмехнулся Егёль.

Не каждый эспер был мерзавцем, но каждый из встреченных им эсперов был несносен по своему.

Ну что ж, хоть на ком-то срывать настроение можно.

Нет, это не было злым капризом.

Он просто знал — этот Цзиньён никогда не осмелится пожаловаться Чэ Халяню.

С тех пор как Егёль очнулся в этом мире, он не видел ни одного слуги.

Всё — одежду, еду, ванну, даже мелкие дела — Чэ Халянь делал сам.

Единственные люди, с которыми Егёль сталкивался, — Самран и два лекаря.

И каждый раз Халянь присутствовал при их визите.

Значит, этот человек точно не мог появиться здесь с его разрешения.

Ни малейшего шанса.

Егёль ухмыльнулся про себя.

— Мой старший брат, должно быть, ужасно за меня волнуется, — произнёс он вслух. — Раз даже одного из своих самых доверенных людей отправил проведать меня, несмотря на всю занятость.

— Господин не посылал меня, — сухо ответил Цзиньён.

Затем, чуть помедлив, бросил взгляд на глаза Егёля.

— Но я заметил, что вы сидите под палящим солнцем. Ваше зрение лишь недавно начало восстанавливаться, и, зная, как господин о вас беспокоится, я решил проверить, всё ли в порядке.

А, вот оно что.

Егёль немного ослабил оборону.

Значит, он пришёл не шпионить — просто убедиться, что тот не свалился без чувств где-нибудь в траве.

— Рад видеть, что вы гораздо здоровее, чем описывал господин, — продолжил Цзиньён. — Горы Куньлуня, должно быть, и впрямь жестоки, если он так тревожится.

Значит, он знает, что меня отправят обратно в Куньлунь, — Егёль усмехнулся про себя с горечью.

Вот и всё — забота о человеке, которому скоро скажут «прощай».

Не должно было задевать, но задело.

— Старший брат всегда слишком волнуется, — сказал он легко. — Стоит мне дважды кашлянуть — он уже закрывает окна и несёт тёплую воду.

Однажды он даже напихал в подушку ваты — так жарко стало, я думал, умру.

При этих словах бровь Цзиньёна дёрнулась.

Они уставились друг на друга, как кот и собака, готовые сцепиться.

— Так что, — наконец сказал Егёль, — когда, по-вашему, он вернётся?

Фраза прозвучала как праздный вопрос, но на деле это была вежливая просьба: «Уходите.»

— ...До заката, — ответил Цзиньён коротко.

— Прекрасно, — Егёль улыбнулся так мило, что хотелось подозревать подвох. — Рад знакомству. А вот — это вам.

Прежде чем Цзиньён успел среагировать, ему в ладонь шлёпнулся ком земли и травы — та самая, что Егёль рвал минуту назад.

— Ещё увидимся, — бодро махнул он рукой, словно прощался с другом.

С каменным лицом Цзиньён кивнул и направился прочь.

Но, пройдя несколько шагов, всё же опустил взгляд на ладонь.

Безупречный рукав теперь был испачкан зеленью.

Он вдруг почувствовал себя так, будто кошка, которую он кормил, принесла ему дохлую мышь — в подарок.

— ...Ха, — выдохнул он.

Его господин назвал этого гостя «добрым и кротким юношей».

И Цзиньён тогда согласился.

Люди с тайными замыслами часто прячутся за безобидной улыбкой.

Но этот... у этого были клыки.

— Господин Чэ... кого вы, во имя всех духов, привели в наш дом?.. — Он вздохнул, глядя с тоской на жалкий пучок травы, всё ещё зажатый в руке.

Потом опустил плечи и поплёлся к другому зданию.

Снаружи высокий мужчина — ростом под семь футов — вырезал фигурку из дерева маленьким ножом.

Рядом на стене стоял целый ряд крошечных лошадок: от жеребёнка до взрослого скакуна, каждая — до мелочей проработанная, почти живая.

— Хунье, — позвал Цзиньён. — Господин у себя?

Мужчина поднял голову и кивнул.

Хунье, как и Цзиньён, был одним из подчинённых Чэ Халяня — молчаливый, почти немой.

— ...Горшок, — вдруг произнёс он.

Цзиньён замер.

Он посмотрел вниз — на зелёный комок в руке.

Под пристальным взглядом Хунье не мог просто выкинуть его на землю.

— Э... где... где горшок?.. — пробормотал он.

Спустя несколько минут он вошёл в здание, держа в руках маленький цветочный горшок.

Несмотря на то что трава была разодрана в клочья, когда ему её сунули,

теперь она выглядела аккуратно посаженной и подрезанной — огромные, покрытые шрамами руки Хунье ухитрились обработать её с удивительной нежностью.

Как человек с такими руками может быть настолько... тщательным? — подумал Цзиньён, качая головой.

Он остановился перед дверью.

Не успел постучать — она сама тихо раздвинулась.

Крепче сжав горшок, он шагнул внутрь.

За письменным столом у окна сидел мужчина — его красота была холодна, как лунный свет, а присутствие — острое, тяжёлое, будто воздух вокруг сгущался.

Неподвижная маска на лице, безэмоциональная и спокойная, излучала ту безмолвную силу, перед которой хотелось склонить голову, даже не осознавая почему.

— Господин, — произнёс Цзиньён, заставляя голос звучать ровно. — Вести из Синьцзяна.

Чэ Халянь не пошевелился.

— Шесть Демонических Семейств пришли в движение, — продолжил Цзиньён. — По меньшей мере два из них, похоже, заключили союз.

Не было секретом, что Халянь отсутствовал уже довольно долго.

И теперь, когда его отсутствие затянулось, та нечисть, что столько лет лежала раздавленной под его пятой, начала вновь шевелиться.

— Раньше их было восемь, — тихо сказал Халянь. — И даже потеряв двоих, они всё ещё не научились.

В его голосе не звучало ни гнева, ни раздражения, ни даже тени презрения.

Просто холодная констатация факта.

— Готовьтесь к возвращению.

<http://bllate.org/book/12382/1104352>